

А. Ю. Ларионова

СТУДЕНЧЕСКОЕ ГРАФФИТИ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ТЕКСТ

Статья посвящена студенческим граффити, представляющим новый материал исследования в сфере лингвистики текста. Граффити рассматриваются в качестве дискурсивного речевого продукта, отражающего специфику социумной речевой деятельности. Особое внимание уделено вопросу текстовой параметризации граффити, подтверждающей их текстовый статус.

В настоящее время в исследовании текста в качестве глобальных выделяются вопросы языкового/речевого статуса текста, положения текста в системе «язык — культура», в дискурсивной практике социума. От их решения зависит развитие классификационных и типологических теорий текста, берущих начало в 70—80-х гг. прошлого века, когда предпринимались активные попытки параметризации текстов, внутритекстовой структуризации, выявления и упорядочения единиц текста и текстовых категорий. Сегодня задачи лингвистики текста становятся еще более обширными и сложными, и это связано, в частности, с существенным расширением материала, представляющего интерес для исследователей. Особое внимание ученых привлекает текст как единица текстового уровня, отражающий специфический социумный характер речевой деятельности, который ранее мало учитывался лингвистикой.

Решая вопрос о месте текста в диаде «язык — культура», о тексте как феномене социумно-речевой деятельности, ученые исходят сегодня из ряда положений, основными среди которых являются следующие. Во-первых, это тезис о том, что область языка как системы знаков заканчивается предложением (Э. Бенвенист) и, следовательно, текст не признается в традиционном смысле единицей языковой системы. Это единица текстового уровня, исследование которого в отношении к уровню культуры находится в стадии разработки. Во-вторых, тезис о том, что мы общаемся не словами и предложениями как таковыми, а текстами (Л. Ельмслев, П. Хартман, Г. Вайнрих [см. об этом: Шмидт, 1978, 94]), что представляет текст как основную коммуникативную единицу. В-третьих, тезис о том, что тексты составляют культуру, хотя качественно не исчерпывают ее [см. об этом: Мурзин, 1994, 161, 165; Маслова, 2004, 76], в связи с чем текст трактуется как отражение ментальности социума. Данные тезисы взаимосвязаны и имеют принципиальное значение для лингвистики текста, в частности, для теории дискурсивного текста. Проиллюстрируем это положение некоторыми фактами из истории развития теории текста.

По мысли Э. Бенвениста, «с предложением мы покидаем область языка... и вступаем в другой мир — в мир языка как средства общения, выражением которого является речь» [Бенвенист, 1974, 139; см. об этом: Майенова, 1978, 428; Тодоров, 1978, 461]. Этот «другой мир», т. е. область связанного текста, был обозначен термином *транслингвистика* (лингвистика связанного текста — *linguistique du discours*) [см.: Барт, 1978, 442]), объектом которой был объявлен текст, но текст не просто как совокупность реализаций единиц разных языковых уровней, а как продукт речемыслительной деятельности, обусловленной социумными установками и предпочтениями, иными словами, текст как вербализованная часть дискурса. По существу, с введением

понятия транслингвистики была обозначена актуальная до сих пор проблема дискурсивных текстов, представляющих собой явление естественного языка (включенного Р. Бартом в транслингвистические системы). В теории Р. Барта подчеркивалось, что язык не совпадает с транслингвистическими системами, хотя естественная речь, безусловно, имеет языковую природу. Более того, и язык, и естественная речь выполняют коммуникативную функцию, но если функция языка — быть средством общения, инструментом коммуникации как таковым, то коммуникативная функция в естественной речи модифицируется и осложняется рядом вторичных функций, обусловленных системой социумно-специфичных иллокуций. Так, по Р. Барту, художественное произведение помимо сообщения служит определенным целям — пропагандистским, эстетическим, развлекательным, ритуальным и т. п., которые привносятся не случайно, а определяются социальным кодом [см.: Там же, 443]. Выявление совокупности параметров, критериев, атрибутов текста как явления социокода в условиях новой научной парадигмы является одной из важнейших задач лингвистики текста. Важно учитывать, что любой текст представляет собой множество культурных кодов, хранящих разного рода ментальную информацию (об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т. е. обо всем, что составляет содержание культуры) и репрезентирующихся в семантике различными способами. Организация, комбинирование, усиление/редуцирование «элементов» культурных кодов обуславливают специфику конкретных дискурсивных практик. Возвращаясь к теории Р. Барта, отметим, что, предлагая свое понимание связного текста (*discours*), ученый, по существу, дал толкование дискурсивного текста как любого конечного отрезка речи, представляющего собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемого со вторичными коммуникативными целями и имеющего соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанного с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся к собственно языку [см.: Там же, 443—444]. Принципиальными в этой трактовке дискурсивного текста являются: 1) единство содержания; 2) вторичные коммуникативные цели (не просто сообщить, но воздействовать сообщением, «поиграть» с ним); 3) внутренняя организация (разноаспектная структурированность текста); 4) культурные факторы ментального свойства («свой» ракурс видения фрагмента действительности).

Примерно в это же время В. А. Кох предложил сходное определение дискурсивных текстов, дефинируя их как любые тексты (или части текста), которые содержат проявления одного и того же конкретного мотива [см.: Кох, 1978, 162—163]. В данном определении существенно важным для трактовки дискурсивного текста является параметр **к о н к р е т н о г о м о т и в а**, под проявлением которого предполагается не тематическая общность текстов (тем более что, по мнению В. А. Коха, тексты с общими темами необязательно являются дискурсивными), а общность особого мировидения, установок и предпочтений в выборе объектов действительности, их образного представления и языковой репрезентации, т. е. того, что лежит в основе дискурсивной специфики социумного речетворчества. Замечание В. А. Коха о «некритериальности» тематической общности для дискурсивного статуса текста означает, что тематическое описание дискурса, будучи важной классифицирующей процедурой лингвистического свойства, является одним из аспектов ментального (лингвокогнитивного) исследования дискурсивной практики.

Из вышеизложенного следует, что результатом речетворчества в рамках социокода являются **с о ц и у м н о о р и е н т и р о в а н н ы е**, или **д и с к у р с и в н ы е**, **т е к с т ы**, которые создаются в соответствии с социумными установками и предпочтениями.

Учитывая, во-первых, что установки и предпочтения есть проявления ментальности, во-вторых, что ментальное пространство есть сфера культуры, и, в-третьих, что текст строится из единиц языковой системы, можно говорить о дискурсивном тексте как единице синкретичного характера, вбирающей билатеральность языковой единицы (план выражения и план содержания) и ментальность культурного феномена. В связи с этим сама социумно ориентированная текстовая деятельность представляется как сложный процесс, в рамках которого продуцент речи отражает в тексте представление об объекте действительности, подвергнутом «специальной обработке» вниманием (*фокализации*) [о термине см.: Ван Дейк, 1978, 315], и изыскивает средства оязыковлениия этого представления, отвечающие предпочтениям¹ социумного речетворчества. Таким образом, синкретичный характер дискурсивных текстов обусловлен ментальностью (уровень культуры) и языковой когницией (лингвокогнитивный уровень) конкретного социума.

Материалом настоящего исследования являются студенческие граффити. Сферы общения с помощью граффити территориально ограничены помещениями вуза (аудиториями, коридорами, туалетами), а участниками общения являются представители студенческой молодежи.

Граффити-тексты, как и другие, по определению Л. В. Сахарного, необычные, «странные» с точки зрения «классической» лингвистики единицы [см.: Сахарный, 1991, 221], недавно попали в поле зрения современной науки. Фактически они не имели места в описаниях социумно-специфичных дискурсивных практик, не исследовались с точки зрения текстовых свойств и категорий. Между тем в условиях резкого расширения материала исследований в современной лингвистике текста назрела необходимость анализа закономерностей образования и функционирования нового речевого продукта (реклама, граффити и пр.) во всем его многообразии, а также выявления общих моделей, описывающих текстовую деятельность соответствующего типа. Задача заключается в определении ориентиров и границ описания дискурсивного текстуалитета, который, по дефиниции Ю. А. Сорокина, представляет собой абстрактный набор правил, определяющих формальные и содержательные параметры существования текста [см.: Сорокин, 1982, 66]. Первые предполагают описание специфики связности текста, вторые — описание специфики его цельности.

Рассмотрение граффити с точки зрения текстовой параметризации, описанной Л. Г. Бабенко [см.: 2004, 47—51], в первом приближении позволяет представить их текстовый статус в следующем виде.

1. С учетом параметра структуры все тексты делятся на простые, сложные и комплексные.

1.1. В нашем материале к простым текстам относятся структуры небольших размеров с полным (или почти полным) отсутствием привычных для нормы специальных средств связности. Такие структуры Л. В. Сахарный назвал текстами-примитивами [см.: Сахарный, 1991, 221]. Среди них довольно частотными являются лозунги, призывы, вывески, рекламные тексты, объявления. Например: *Пары в ГУКе // Сбор подписей за убийство препода // Прием вкладов от населения* (надпись в туалете) // *Запор мыслей, понос слов* (студент на экзамене) // *Каждому лектору в ж*у по вектору!* // *Водка «Бура-тино»... почувствуйте себя дровами...* // *Ваша киска содохнет от «Вискас»*².

¹ Вопросу предпочтений в студенческом дискурсе посвящена наша статья [см.: Ларионова, 2006а].

² Граффити приведены в частично отредактированной форме: исправлены грубейшие орфографические и пунктуационные ошибки.

1.2. К сложным традиционно относятся тексты больших объемов (рассказы, повести, романы). Естественно, что в материале граффити текстов таких объемов в принципе быть не может. Однако критерий сложного текста, на наш взгляд, релевантен для граффити, представляющих полипропозитивные синтаксические структуры, репрезентированные в предложениях с однородной предикацией, в сложных предложениях, сложных синтаксических конструкциях, сверхфразовых единствах, демонстрирующих определенную систему средств связности. Отличием их от комплексных текстов будет невключение прецедентных феноменов. Например: *Купим домик у реки, там посадим конопли, будем мы курить и пить, офигенно будем жить // Особи женского пола делятся на девушек — женщин — старух. Девушки делятся на уже девушка — еще девушка — девушка с ребенком. Женщины делятся на дам — не дам — дам не вам. А старухи не делятся — они разлагаются! // Бей прямо в зубы, кастетом по роже. Не сомневайся: это поможет // Алкоголю и наркотикам — нет! Сексу и спорту скажем привет!*

1.3. К комплексным текстам среди граффити неформального студенческого дискурса мы относим тексты с разного рода реминисценциями, т. е. тексты, включающие те или иные прецедентные феномены. Например: *С головой все в порядке* → *Девушка либо красавица, либо с головой все в порядке // Плэйбой* → *Мужчина в 20 лет — playboy, в 30 — play tap, в 40 — play off, в 60 — game over // Жизнь по принципам* → *Все люди живут по одним принципам, но по-разному их нарушают // Быть самим собой* → *Хочется быть самим собой, но совесть не позволяет // Брать за горло* → *Если жизнь берет за горло, поневоле покажешь ей язык // Жизнь учит/не учит // Вынести вперед ногами* → *Жизнь учит до тех пор, пока не вынесут с занятий // Бросить курить, пить* → *Бросил курить сам — брось курить другому // Не валяться на дороге* → *Хорошие мужики на дороге не валяются. Они лежат на диване.* Как показывает материал, текстов, построенных с включением или на основе прецедентных, в неформальном студенческом дискурсе абсолютное большинство.

2. Функционально-стилевой параметр характеризует тексты с точки зрения целей и сферы общения. Типология здесь соответствует основным функционально-стилистическим разновидностям.

Граффити как вид естественной письменной речи демонстрируют устно-письменную инкорпорированность, создавая при восприятии впечатление аутентичных устных текстов, но закрепленных при этом в письменной форме. Проявления «устности» находим, например, в следующих особенностях репрезентации:

— имитация синтаксиса разговорной речи, в частности, активное включение *я-предложений*, соответствующих личностному типу общения, характерному для разговорной устной речи: *У меня есть мысль, и я ее думаю // И своей смешной рожей сам себя я веселю // Я знаю каратэ, тхэквандо, дзюдо и еще много страшных слов;*

— имитация звучащей речи на основе акцентированного указания на разного рода фонетические модификации, постановку нормативных/ненормативных знаков препинания, отражающих паралингвистическое и просодическое своеобразие текста (семантику жестового и мимического поведения): *До нового года осталось две пары — КОШМАРPPPP! // Девки голо-СИСТЫЕ свели меня с ума;*

— «разбиение» текстов на интонационные единицы (термин У. Чейфа) [см. об этом: Кибрик, 1994, 129—131], в среднем состоящие из 2—6 слов, соизмеримые с одной предикацией и отражающие текущий фокус сознания, что является характерной чертой устного дискурса [см.: Там же; см. также: Николаева, 1978, 15], и т. д.³

³ Вопросу синкретичного характера граффити посвящена наша статья [см.: Ларионова, 2006б].

С точки зрения целей, дискурсивные тексты помимо сообщения демонстрируют игровые установки, установки на экспрессивизацию, связанные с иллокутивными (развлечься, отдохнуть) и перлокутивными (удивить, шокировать) целями продуцирования и функционирования граффити. Экспрессивность текста *Пары в ГУКе* (при доминирующей его информативности) достигается за счет лаконичной формы и возможности неадекватной ее семантизации (не каждый «чужак» правильно декодирует текст и поймет, что занятия проходят в главном учебном корпусе). Зафиксированный в туалетной комнате текст *Господа, постыдно не вписаться в писсуар* не просто косвенно репрезентирует просьбу, но удивляет несоответствием между деятельностной ситуацией функционирования текста и стилистически «высокой» маркированностью, аллитерацией как средством экспрессивизации и обыгрыванием табуированной семантики «низа».

3. С учетом параметра подготовленности тексты делятся на спонтанные, ситуативные, подготовленные. Синкретичный характер граффити напрямую связан с их характеристикой с точки зрения данного параметра. На наш взгляд, спонтанность и ситуативность в технологии создания граффити имеют место настолько, насколько имеет место «незапланированность» конкретного времени и места продуцирования и фиксации граффити, однако экстралингвистический факт готовности студентов «поиграть» с граффити (около 97 % опрошенных), лингвистический факт квазипрецендентности большинства из них предполагают в некотором смысле подготовленность в силу известности ракурса социально-специфичной трансформации прецендентных текстов. Это может быть мгновенный процесс на основе яркой ассоциативной связи, а может быть процесс, включающий стадию обдумывания, но на определенном событийном фоне речетворчества и речепроизводства (предметно-событийный фон, по К. А. Долинину, место, время общения, кто присутствует при общении в качестве наблюдателя и что делается или происходит вокруг [см.: Долинин, 1985, 12]).

4. С учетом параметра цельности/связности тексты делятся на нормативные и дефектные.

4.1. Нормативным относятся цельные и связные тексты. Данный параметр является универсальным для всех текстовых категорий. Исследование дискурсивных текстов с его учетом напрямую связано с описанием дискурсивного текстуалитета. Формальные параметры существования текста ориентированы на связность дискурсивных текстов, содержательные параметры — на их цельность. При этом подчеркивается, что связность и цельность находятся в отношениях дополнительности.

Комплексы средств связности, безусловно, зависят от объема текста и его содержательного членения. С учетом последнего текст, по Л. В. Сахарному, может характеризоваться нерасчлененной и расчлененной передачей цельности [см.: Сахарный, 1991, 224].

4.1.1. При нерасчлененной передаче цельности содержательное членение текста либо отсутствует, либо не является актуально осознаваемым. Сюда относятся тексты, представляющие собой непроемкие или деэтимологизированные производные слова, устойчивые и актуально деэтимологизированные словосочетания, реже — отдельные морфемы. В этих случаях граффити-текст строится и осознается целиком с помощью воспроизводимых знаков, а содержание его складывается из денотата языкового знака, т. е. целостного представления о референте, и десигната (сигнификата), т. е. понятийно-классифицирующего компонента значения: *25 тысяч человек // Словарь С. И. Ожигова* (вместо Ожегова) // *Бумеранг // Хрен вам!!! // Кошмар*. Здесь реализуются простейшие («нулевые») показатели связности (простое соположение элементов в тексте).

4.1.2. При расчлененной передаче цельности содержательное членение текста является актуально осознаваемым. В рамках дискурсивного речевого продукта сюда могут быть отнесены:

а) производные тексты-слова с четко осознаваемой морфемной структурой: *Час-толюбивая женщина // Негееспособен // Фальшивоминетчица // Свиноболтус редко-зубикус // Бой френдов*. С точки зрения средств связности такие тексты близки текстам с нерасчлененной передачей цельности;

б) распространенные синтаксические структуры: *Бывает так, что человек и порядочный, и скромный, а вот не умеет этого показать // Белая и пушистая – это на самом деле седая и волосатая // Ботан и во сне формулы видит*. Содержание текстов с развернутой синтаксической структурой истолковывает референтную ситуацию, т. е., по выражению К. А. Долинина, интерпретирует ее, приписывает ей определенную структуру, вычленяя и квалифицируя элементы ситуации и их отношения, а также определяя роль каждого элемента в этих отношениях [см.: Долинин, 1985, 18]. В таких текстах появляются специальные средства связности, уточняющие отношения между элементами текста.

4.2. К дефектным относятся деграмматизированные тексты. В первую очередь Л. В. Сахарный относит к таким текстам наборы ключевых слов, вывод о текстовой природе которых делает на основе экспериментального перефразирования [см.: Сахарный, 1991, 225]. Следует отметить, что хотя в материале есть номинативные предложения, которые могут совпасть с выделяемыми в дискурсе ключевыми словами, тем не менее такие предложения не всегда исчерпывают весь текст. Например: *Фонарь, веревка, лестница. Я хочу повеситься! // Кобыла черномозговая // Король и шут, толпа уродов // Бронетемкин «Поносец»*. На наш взгляд, выявление набора ключевых слов есть исследовательская процедура, и по отношению к непосредственно зафиксированным текстам (первичный дискурсивный речевой продукт) ключевые слова представляют собой вторичный дискурсивный речевой продукт. Выявление набора ключевых слов может быть осуществлено на всем текстовом материале дискурса с помощью специальной методики.

5. С учетом параметра алгоритмизации тексты делятся на *ф и к с и р о в а н н ы е* (опора на формулы), *п о л у ф и к с и р о в а н н ы е* (строятся по фиксированным стратегиям порождения на основе фиксированного замысла), *н е ф и к с и р о в а н н ы е т е к с т ы* (отличаются индивидуальностью замысла, интенциональностью, ситуативностью, вариативностью выражения). Среди граффити-текстов функционируют:

— *п о л у ф и к с и р о в а н н ы е т е к с т ы*, характерные, например, для этикетных ситуаций живого общения (приветствие, прощание, благодарность): *Привет всем! Я Витя 8 902 88... // Всем девочкам привет! Давайте знакомиться // А как вас зовут? // Доброе утро, страна!* Таких текстов в дискурсе немного;

— *н е ф и к с и р о в а н н ы е т е к с т ы*: *И бабу с возу, и волки сыты // Если вы взглянули в зеркало, но никого там не обнаружили, вы неотразимы! // Дул такой сильный ветер, что сигареты выворачивало вместе с зубами*. Нефиксированные тексты составляют в дискурсе абсолютное большинство.

6. С учетом параметра степени экспликации замысла тексты делятся на *ж е с т к и е* и *м я г к и е*.

6.1. Жесткие тексты отличает полная экспликация информации, однозначность с точки зрения интерпретируемости, например: *Пары в ГУГе // Съел бобра – спас дерево // Большому кораблю дольше тонуть // Блюют и на нашей улице в праздник*.

6.2. Мягкие тексты отличает неоднозначность и, следовательно, множественность интерпретаций: *Автомобиль не роскошь, а потехи час // Счастье было так возможно. И так возможно, и вот так возможно // Вчера стоял, а ты пришла сегодня // Бросил курить сам — брось курить другому*. Множественность интерпретаций есть результат их творческой природы, которая, в свою очередь, обусловлена структурированностью явлений — текста, смысла, предметно-событийного фона использования текста и пр. Связывая процедуру интерпретации с фактором адресанта и адресата, Ф. А. Литвин дает следующее ее описание: 1) для адресанта первоначально семантика; выбор выражения обусловлен его соответствием исходной семантической задаче; 2) для адресата исходным является текст как упорядоченная манифестация языковых единиц, семантика же является искомым. При этом адресат не может исходить из семантического описания; он должен отталкиваться от специфики языковых средств текста [см.: Литвин, 1984, 107]. На основе анализа последних и учета предметно-событийного фона функционирования текста получатель осуществляет семантическую интерпретацию текста. Например, привычная семантизация прецедентного текста *Ничего хорошего из тебя не выйдет* — «ты несерьезный человек, ничего добиться в жизни не сможешь» (как правило, в ситуации речи старшего, более опытного человека по отношению к младшему, менее опытному) диссонирует с пониманием этого же текста в иной действительной ситуации (фиксация на стене в туалете). Смена традиционного ситуативного употребления текста отражает социумно-специфичную избирательность в мире действительности, социумно-специфичную интенциональность осмысления «предметов» действительности, кодирования и декодирования. Так, при смене традиционного ситуативного функционирования данного текста в качестве новой можно предполагать ситуацию, например, обращения руководителя к подчиненному, главным в действительности которого является интеллектуальный труд и который ничего «дельного» (материального) сделать не может. Однако данный аспект интерпретации текста соотносится с его первичным «нормативным» употреблением и не востребован в студенческом дискурсе, т. к. не соответствует претензиям на степень экспрессивизации и перлокуции, достигнутых в студенческом граффити за счет обращения к табуированной теме физиологии, «низа».

7. В рамках функционально-прагматического параметра А. Н. Баранов выделил следующие текстотипы: *п р е д п и с а н и е, о п и с а н и е, о ц е н к а* [см. об этом: Бабенко, 2004, 50].

7.1. Предписание порождает текст, регулирующий совершение действия с точки зрения правил и норм: *Главное — ладить с начальством // Если твой компьютер завис, выдерни шнур, выдави окно // Будешь много знать — не дадим состариться // Взялся за грядь, говори что-нибудь*. По наблюдениям, граффити-предписания довольно частотны и отличаются обычно категоричным характером выражения мысли, что поддерживается их компактностью, специализацией синтаксических структур (преимущественно конструкции с эксплицитной или имплицитной условной связью, выраженной по схеме «если..., то...», императивами), типовыми «жанровыми» особенностями. Последние находят отражение в частотных текстах-умозаключениях, текстах назидательного свойства, цель продуцирования которых — не просто передать информацию, поделиться опытом (как правило, отрицательным), но проявить себя (самопрезентовать) и оказать воздействие (удивить, шокировать): *На чужую кровать рот не разевай! // Никогда не бей лежачего, ведь он может встать // Не буди тещу, пока она спит // Не зная бродя, пропусти друга*. Тексты назидательно-пословичного типа в принципе характерны

для русской народной культуры. Такой «жанровый» тип соотносится с ментальными представлениями о русских, склонных, по А. Вежбицкой, к морализаторству, к крайним и категоричным суждениям [см.: 1996, 33—34]. С другой стороны, существование значительного количества подобных текстов в неформальном студенческом дискурсе опровергает мнение, что в современной молодежной речи отсутствует мысль, предмет общения [Молодежь в современном мире, 1990, 33]. В текстах такого типа вывод-утверждение ориентирован на пресуппозитивное и перспективное развертывание текста. Последнее, по существу, также является имплицитным утверждением чего-л. (имплицитной ассерцией). Например: *Богат и выразителен русский язык, но и его уже стало не хватать* → в пресуппозиции — существование языка и использование его для общения; первичное следование из эксплицитного утверждения — надо искать новые средства выражения мыслей; однако, учитывая социумную специфику речетворчества (детабуирование тем и средств их репрезентации, частотность прецедентных заимствований и их коннотаций — в данном случае напрашивается параллель с выражением *зла не хватает*), возможно предполагать вторичное следование, видовое к первичному: поиск достаточного объема «крепкой», скабрезной лексики, с помощью которой русские «не ругаются, а разговаривают». Другой пример: *Брак без любви превратит любовь без брака* → в пресуппозиции — ситуация измены; следование из утверждения — в брак надо вступать по любви, чтобы не быть обманутым. Факт развертывания текста значим для трактовки текста как иерархизованной денотатной структуры, так как, чтобы сделать вывод относительно чего-л., надо получить определенный опыт (судя по материалу, чаще — отрицательный), т. е. быть участником или наблюдателем реальной или воображаемой ситуации, обладать определенной картиной мира. Утверждение *Если болт нужно забить аккуратно, его вкручивают* означает, что кто-то уже прошел стадию «вбивания» болтов; утверждение *Если бы люди были справедливы, судьи ушли бы на отдых* означает, что кто-то столкнулся с ситуацией, когда решение «по справедливости» не принимается и следует обращаться к букве закона; в утверждении *Если вместо ужина попасть домой к завтраку, то можно остаться и без обеда* очевидно, что нарушение внутрисемейных этических норм вызывает ответную, «карательную», реакцию со стороны членов семьи (обычно со стороны жены) и что кто-то обладает знанием об этом опыте. По высказыванию М. Майеновой, проблема статуса пресуппозитивной информации решается в границах предложения, но влияние пресуппозитивного содержания на характер текста в том, что знание содержания пресуппозиции является определяющим фактором характеристики говорящего и предполагаемого читателя [см.: Майенова, 1978, 427]. С таким пониманием соотносится трактовка текста, предложенная П. Хартманом: «...Текст — это требующая построения, информативно успешная последовательная связь между уже упомянутыми и еще не упомянутыми семантемами...» [цит. по: Шмидт, 1978, 97]. Сходную трактовку читаем у К. Гаузенблаза: чтобы правильно понять смысл речевого произведения или его части, нужно знать предшествующую ситуацию, из которой оно возникло, а также связанные с ней обстоятельства [см.: Гаузенблаз, 1978, 70; см. также: Мокшанцев, 2001, 27—29].

Как показывает материал, многие дискурсивные тексты такого типа отличает претензия на остроумие, афористичность, что поддерживает мысль о текстово-речевой природе дискурсивных граффити-текстов. Афористичность, по утверждению М. Майеновой, не может имитировать начало коммуникации. Сентенция может быть началом реплики, но реплики в статусе ответа на чьи-то слова (и, шире, мысли или поступки). В связи с этим речевой продукт, начинающийся с сентенции или представляющий

собой предложение, понимается как текст, погруженный во внутреннюю речь не просто пающего на поверхности «я», в мысленный монолог, для которого эта предложение является частичным подытоживанием [см.: Майенова, 1978, 436].

Учитывая деление предписаний на персональные (личные просьбы, приказы) и интерперсональные (директивные, призывы, морально-этические правила), следует отметить доминирование в неформальном студенческом дискурсе интерперсональных предписаний, репрезентирующих «правила для всех»: *Если с женой начались проблемы, надо кончать с подругами.*

7.2. Описание представляет положение дел в мире: *Предупредительный выстрел в голову // Встану утром, вытну ртут и пойду повешусь (подохну) в этом/поганом/ ср*ном институте // ...и долго бился головой о сапоги участкового... (из протокола) // Мужчина в 20 лет — playboy, в 30 — play man, в 40 — play off, в 60 — game over // Даже если вас съели, у вас есть два выхода // Теща проглотила 50 копеек. Мелочь, а приятно // Водка «Жириновский» срывает крышу с первой рюмки. После второй рвешься в Ирак, а после третьей идешь в юридическую фирму искать своего папу // Я мог бы выглядеть солидно, но так далек был туалет.* Данный текстотип фактически отражает констатацию факта и максимально распространен в анализируемом дискурсе, «очерчивая интересное для социума» референтное пространство.

7.3. Оценка лежит в основе текстов, порождаемых с целью воздействовать на эмоциональную сферу сознания, чтобы репрезентировать определенную систему ценностей. В зависимости от характера оценочного оператора (положительная/отрицательная оценка) разграничиваются поощряющие и порицающие тексты. Например: *Дед Маразм и придулочка // Неgeeспособен // Вера может двигать горы! Она колоссальная баба.*

По наблюдениям, граффити часто совмещают в себе текстотипы, одновременно представляя положение дел и давая оценку или представляя положение дел и выражая предписание и пр. Вместе с тем в неформальном студенческом дискурсе очевидно доминирование текстотипа «описание», далее дискурс демонстрирует довольно высокую насыщенность граффити-предписаниями, и менее всего в дискурсе представлено чисто аксиологических (оценочных) текстов, хотя оценочность присутствует в граффити всех текстотипов.

Резюмируя вышеизложенное, важно отметить следующее. Студенческие граффити представляют собой тексты, к которым принципиально применима универсальная текстовая параметризация; это дискурсивные тексты, особенностью которых является общность установок и предпочтений в выборе объектов действительности, их образного представления и языковой репрезентации, т. е. того, что лежит в основе дискурсивной специфики социумного речетворчества. В аспекте текстовой параметризации граффити неформального студенческого дискурса представляют собой синкретичный продукт разговорной речи; могут быть охарактеризованы как условно подготовленный тип речи в силу частотной в дискурсе квазипрецендентности; являются преимущественно нефиксированными (оригинальными) текстами; мягкими текстами, потенцирующими множественность интерпретаций; представляют собой синкретичный текстотип, доминирующим в котором является описательный компонент; представляют собой преимущественно целостные и связанные тексты в силу возможного пресуппозитивного и перспективного развертывания.

- Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 442–449.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Ван Дейк Т. А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978. С. 259–336.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Гаузенблаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. С. 57–78.
- Долинин К. А. Интерпретация текста. М., 1985.
- Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопр. языкознания. 1994. № 5.
- Кох В. А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. С. 149–171.
- Ларионова А. Ю. Отношения предпочтения в дискурсе: аспекты анализа // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып. 19 / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2006а. С. 232–247.
- Ларионова А. Ю. Граффити как синкретичный тип естественной речи (на материале неформального студенческого дискурса). М., 2006б. В печати.
- Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. М., 1984.
- Майенова М. Р. Теория текста и традиционные проблемы поэтики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. С. 425–441.
- Маслова В. А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 2004. С. 69–77.
- Мокшанцев Р. И. Психология рекламы: Учеб. пособие. Москва; Новосибирск, 2001.
- Молодежь в современном мире: Проблемы и суждения // Вопр. философии. 1990. № 5. С. 12–33.
- Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994. С. 160–169.
- Николаева Т. М. Лингвистика. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. С. 5–42.
- Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991. С. 221–237.
- Сорокин Ю. А. Текст, цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
- Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. С. 450–463.
- Шмидт З. Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. С. 89–110.

Статья поступила в редакцию 28.06.07.

Е. Е. Чебыкина

РОЛЬ ВЕРБАЛЬНОГО НАЧАЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБЛИКЕ РОК-ПОЭЗИИ А. БАШЛАЧЕВА

Рассматриваются фоносемантический, словообразовательный, лексический и синтаксический аспекты поэтических текстов рок-поэзии.

Научные споры о причислении рок-текстов к поэзии в определенной степени разрешаются при филологическом анализе стихов таких рок-поэтов, как О. Арфьева, А. Башлачев, Б. Гребенщиков, И. Кормильцев, Ю. Шевчук и др.